
ПРЕДДВЕРИЕ ГЛОБАЛЬНОГО БЕСПОРЯДКА? ФАКТОРЫ И АКТОРЫ МИРОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Красиков В. И.*

Автор статьи обсуждает новые серьезные глобальные изменения, оказывающие определяющее воздействие на динамику современного миропорядка и приводящие к его радикальному разбалансированию. Он систематизирует подобные изменения и выявляет две группы таковых, а именно новые объективные обстоятельства и новые субъекты нестабильности. Они приводят к появлению новых тенденций в развитии современных глобальных конфликтов: расширению сфер противоборств, их анонимизации и хаотизации.

Ключевые слова: *новые объективные обстоятельства и субъекты нестабильности, радикальное разбалансирование мирового порядка, особенности развития современных конфликтов.*

The author of the article discusses new profound global changes that have a decisive effect on the dynamics of the modern world order, leading to its radical imbalance. He systematizes and distinguishes two groups of such changes, namely: new objective circumstances and new actors of instability. They lead to the emergence of new trends in the development of contemporary global conflicts: the expanding spheres of confrontation, their anonymization and randomization.

Key words: *new objective circumstances, actors of instability, radical imbalance of the world order, trends in the development of contemporary conflicts.*

В последние два года все более явственно чувствуются некие апокалиптические веяния – и в умонастроениях широкой публики, и в мировых экспертных сообществах. И действительно, недавно произошли новые серьезные глобальные изменения, наложившиеся на ранее появившиеся неприятные тенденции, вкуче создающие непредвиденные, чреватые мировыми потрясениями обстоятельства. Попытаемся же сгруппировать и систематизировать вновь возникшие и уже имеющиеся факторы глобального развития, оказывающие деструктивное воздействие на динамику современного миропорядка.

Подобным образом определенные задачи исследования позволяют очертить предмет и объект наших изысканий. Предметом исследования в этой статье является современное состояние международного порядка в контексте глобальных тенденций мирового развития. Объектом же выступает комплекс факторов и акторов, определяющий новые формы манифестаций нестабильности и насилия.

К методологическим средствам, задействованным здесь, можно отнести классификацию, типизацию и сравнение, анализ и конструирование, элементы фило-софской рефлексии.

---

* Красиков Владимир Иванович – д. ф. н., профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России). E-mail: KrasVladIv@gmail.com.

Поговорим вначале о недавно появившихся факторах, сразу ставших главными дестабилизирующими трендами современности.

1. После краха СССР в 1991 г. и серьезной дискредитации коммунистической идеи, казалось бы, безоговорочно восторжествовала идея либеральная, что и было задекларировано в знаменитой статье Ф. Фукуямы [1990]. Прошло лишь десятилетие, и рухнули башни-близнецы, возвестив начало нового глобального противостояния, а спустя еще пятнадцать лет возник явный кризис либеральных целей и демократических идеалов, толерантности и мультикультурализма. Развитые страны Запада переживают сейчас *кризис демократии и радикализацию общественного дискурса*.

Обвал, похоже, начался три года назад, в июне 2016 г., когда одержали победу сторонники Брексита в Великобритании. Через три месяца произошли «восстание избирателей» и внутриэлитный путч Д. Трампа, выборы во Франции привели к власти малоизвестного тогда Э. Макрона. И во всех случаях (не говоря уже о более мелких сюрпризах выборов – в небольших европейских странах) налицо резкая поляризация политических сил, чуть ли не 50 на 50 (с вариациями) и ожесточенная «грызня» между элитами.

Коренными причинами этих событий, которые стали полной неожиданностью для большинства представителей мирового экспертного сообщества, оказались не только экономический кризис и наплыв мигрантов: это, похоже, было лишь спусковым механизмом. Оказалось (как ранее подобное же произошло с коммунистической системой), плод основательно подгнил изнутри, несмотря на внешне привлекательный вид. Реалии разошлись с идеалами, что привело, по сути, к разрыву социального контракта в развитых странах: к снижению доходов среднего класса и возвышению сверхбогатых, усилению тем самым общественного недоверия и недовольства. В итоге – недоверие к традиционным институтам, общественная фрагментация, усиление внутренних противоречий, делегитимизация элит, развал системы сдержек и противовесов, а все это вкуче порождает рост нетерпимости и популизм. К тому же «практически все глобальные проекты последнего времени, среди которых наибольшую известность получили... “концепция устойчивого развития”, ... “политика мультикультурализма” и т. п., не приводят к желаемым результатам и чаще всего оказываются несостоятельными <...> отсюда можно заключить, что конфликт интересов в глобальном мире и далее будет усиливаться» [Чумаков 2018: 7].

2. Кризис демократии распространяется и на основанное на ней западное государство. Снижение темпов экономического роста, возрастание долговой нагрузки и старение населения являются объективной подоплекой *кризиса политических систем национальных государств*. Государству уже просто не верят, тем более в условиях хронических коррупционных скандалов и двойных стандартов в отношении правоприменения – к представителям элит и к остальному населению. Сюда следует присовокупить и существенное отставание возможностей государств, агентств и международных организаций по установлению и применению новых юридических норм, технических стандартов, управленческой политики – в условиях значительного ускорения темпов технологических изменений. Это благоприятствует наращиванию потенциала махинаторов и террористов, особенно в Интернете, где частные коммерческие структуры и преступные структу-

ры реально играют большую роль в формировании тенденций развития, чем государство. И при всем этом государства еще только приступают к разработке программ опережающего распознавания и отражения угроз со стороны новых опасных групп [Пржиленский 2016].

3. Существенным фактором, спровоцировавшим начало кризиса демократии и западного государства, стало *новое «великое переселение народов»*, живо напоминающее соответствующее явление кануна падения Римской империи. Число мигрантов достигло в 2017 г. 258 млн человек [Чжа Фен 2018], причем большинство из них – мужчины в расцвете сил. Последнее обстоятельство, равно как и их массово-организационный бросок в строго назначенное время «Ч» (в особо памятном 2015 г.), свидетельствуют об инспирированности этого процесса. Понятно, что за мужчинами позже последовали и их многочисленная родня, и соседи. Соответствующий образовательно-культурный уровень вкупе с высокими запросами вряд ли сделает их образцовыми гражданами своих новых щедрых отечеств, но определенно увеличит ряды террористов и преступников [Терроризм... 2011].

4. Наконец, еще один важнейший фактор: *новый виток бесконтрольного развития технологий*, которые приобретают все более неспециализированный, многофункциональный характер. «Имеются все признаки того, что заработала движущая сила подъема шестого большого цикла Кондратьева – инновационные технологии шестого технологического уклада, включая магистральные инфраструктурные технологии – цифровые технологии и платформы» [Акаев, Коротаев 2019]. Появились фундаментальные инновации, способные в ближайшей перспективе разрушить рынки труда и изменить тип экономического поведения, то есть расшатать основы прежнего порядка. Это робототехника и автоматизация, искусственный интеллект и новые материалы, нетрадиционные источники энергии и информационные технологии. Причем они становятся дешевле, компактнее и доступнее – для отдельных лиц и небольших групп. Одни и те же механические узлы, компьютерные программы и технологические решения могут быть использованы как в военной и гражданской, так и в преступной и террористической деятельности. Причем на широком рынке многие новые высокие технологии появляются даже быстрее, чем у государства, что резко повышает могущество негосударственных деструктивных сил, включая повстанцев, террористов и криминалитет.

Сюда добавляется поток *новых финансовых изобретений*: блокчейн-технологии, нерегулируемые платежные сервисы, краудинвестинг и краудлендинг, применение искусственного интеллекта для обработки больших объемов данных и пр. В противостоянии им начинает распадаться традиционная банковская система, базирующаяся на господстве центральных банков, национальной юрисдикции и хранимых транзакциях. Это открывает широкие возможности для самых разных сил бесконтрольно отмывать, накапливать и перемещать значительные средства. Причем специфика новой складывающейся финансовой экономики такова, что уже невозможно определить источники, локализацию и локацию финансовых средств или иных активов [Паненков 2012].

Другие факторы субъектны, это скорее *акторы нестабильности*. Они появились не вчера, став уже хроническими причинами обновляющейся актуализации международной нестабильности [Разведка...].

1. Увеличивается число *гибридных государств*, в которых элементы демократии перемешаны с чертами авторитарного правления. Внутренняя жизнь здесь подвергается консервации во всех ее проявлениях. Сочетание кланового капитализма с нарастающими внешнеполитическими, экономическими и коррупционными трудностями вкупе с террористическими угрозами приводит к падению уровня жизни подавляющей части населения – параллельно с ужесточением авторитаризма правящих элит [Иноземцев 2019]. Подобная ситуация чревата социальными волнениями, напряженностью и элитным расколом.

2. Непременный актер мировой нестабильности – *экономически слабейшие государства* (в Африке и Азии), в которых из-за хронических внутренних неурядиц, высокого уровня гражданского насилия, авторитаризма правления, большой смертности среди всех демографических групп и низкой продолжительности жизни средний возраст населения будет 25 лет или меньше [Седых 2013]. Это приведет к тому, что именно данные регионы в опережающем темпе будут пополнять ресурсы террористов, наркомафии и других преступных образований.

3. Итоги игр сверхдержав – *разрушающиеся общества* (Ирак, Сомали, Ливия и некоторые другие) и *несостоявшиеся государства* (квазигосударства в бывшем СССР) умножаются от десятилетия к десятилетию. «Вклад» подобных образований в формирующийся «мировой беспорядок» очевиден и беспрецедентен – их территории становятся «материнскими платами» возникновения террористических государств, базой размещения преступных группировок. И лишь только непримиримые противоречия между сверхдержавами и их сателлитами позволяют существовать и процветать этим внеправовым пространствам – стоит устранить их (карантин и пр.), и существенно снизится мировая напряженность.

4. Самый видный актер мирового беспорядка – *глобальные религиозно-политические движения*. Они появились в 1990-х гг. прошлого века как важнейшее следствие начала глобального религиозного возрождения, причем не только исламского, и претерпели определенную эволюцию. На смену локальному антисоветскому джихаду в Афганистане пришли новые, уже международные организации типа «Аль-Каиды»**. Но вот спустя десятилетие, не без помощи США (разгром хуссейновского Ирака), возникло новое явление в мировом терроризме, ИГИЛ** – первая локализованная форма всемирного халифата [Соснин 2013]. Если «Аль-Каида» была своего рода мировым подпольем, организованным исламскими радикалами-интеллектуалами из зажиточных семей, то ИГИЛ – это в определенной степени военно-религиозный орден, имеющий «кровь и почву»: семейно-феодалную территориальную основу. После истощения ресурсных площадок суннитских районов Ирака и Сирии он, похоже, перемещается в Ливию и Пакистан, а также в «спящие» ячейки по всему миру. Не исключено появление подобных «орденов» в Центральной и Тропической Африке – на базе совмещения ислама с местными культами, в Индии – на базе индуизма, особенно шиваистского направления, и т. п. [Тарасевич, Зенковский 2015].

5. Наименее заметный актер складывающегося «мирового беспорядка», но оттого и наиболее неожиданный, – *деструктивные группы*. Как уже было сказано

** Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

ранее, динамика технологий ведет к расширению возможностей локальных небольших групп оказывать существенное влияние на национальные государства и даже на геополитику. Их особенность в том, что они состоят из интеллектуалов-радикалов: высокообразованных, технически компетентных и профессионально продвинутых людей с экстремистскими убеждениями. Ранее это были анархисты, левые бунтари, правые радикалы, сегодня к ним добавляются хакерские группировки и прочие нонконформисты.

В условиях неконтролируемой диффузии вооружений все они получают широкий доступ ко все более разнообразному спектру летальных и нелетальных средств огневого, инфраструктурного и поведенческого поражения. В итоге вполне может продублироваться средневековая ситуация борьбы государства с бандформированиями того времени – и теперь для того, чтобы обуздать притязания радикальных групп, вооруженных технологиями массового поражения, может потребоваться армия.

Итак, складывается довольно безрадостная ситуация. Кризис демократии и политических систем национальных государств, радикализация общественного дискурса, «великое переселение народов» и новый виток бесконтрольного развития технологий существенно подрывают основы оплота мировой стабильности (данного миропорядка), сложившегося четверть столетия назад, – так называемых «западных демократий». Однако давно известно: если где-то убудет, то в другом месте обязательно прибудет. В этих условиях ранее прозябавшие акторы нестабильности (такowymi они были по своему естественному оппозиционному месту в прежнем миропорядке) обретают новые силы и значимость. Понятно, что «глобальный беспорядок» выступает таковым лишь по отношению к прежнему господствующему миропорядку с его системой глобальных либеральных ценностей, являясь скорее его мировоззренческой и экзистенциальной антитезой.

Тем не менее подобная переходная ситуация приводит к параличу существующей международной системы безопасности, сложившейся более полувека назад. У всех перед глазами бессилие ООН и кризис его международных институтов, ожесточенная борьба за реформу Совета Безопасности и изменение порядка применения права вето. Если удастся в подковерной борьбе провести свое решение, то они как бы легитимны – для эпизодических победителей. Если же возникает клинч, то каждая из стран, участвующих в том или ином конфликте, будет стараться предложить новые собственные площадки для разрешения споров. Сторон конфликта много, соответственно, будет много и предложений относительно альтернативных ООН площадок, между которыми неизбежно возникнут конкуренция и споры о легитимности. Логично предположить, что ныне имеющиеся конфликты будут длиться десятилетиями – вплоть до полного исчерпания их ресурсной базы или же неожиданной победы одной из сторон. Ну а вновь возникающие конфликты будут заведомо хроническими, станут со все возрастающей интенсивностью и ожесточенностью втягивать в военные действия все новых и новых участников. Таким образом, «глобальный беспорядок» или переходный период между новым предстоящим консенсусом основных центров силы – это настоящая «эпоха ренессанса» для развития международного терроризма и преступности.

Описанная ситуация паралича и кризиса в мировой системе безопасности приводит к появлению новых тенденций в развитии международных конфликтов.

Во-первых, это *расширение сферы противоборств*. Столкновения идут уже не столько в дипломатической и военной областях, сколько в ценностно-мировоззренческой, психологической, экономической, информационной и технологической сферах. Слабого противника сегодня не так-то просто уничтожить чисто физически – не позволят мировое общественное мнение (или то, что сегодня под этим подразумевается) и прямые телетрансляции. Тем более что слабая сторона может оказать серьезное сопротивление скорее с помощью мер, асимметричных традиционным военным действиям, – террористических атак и разрушения критической инфраструктуры противника. Война и мир перемешиваются, нет противопоставления линии фронта с противоборствующими солдатами и тыла с его мирной жизнью: взрывы могут прогреметь где угодно и когда угодно, ненависть льется с экранов мониторов каждую минуту – в перерыве между горячими новостями [Мохадам 2011].

Во-вторых, возрастающая непрозрачность в международных отношениях делает крайне эффективным новое применение старинного имперского принципа *разделяй и властвуй*. Максимально возможное раздробление и сознательное срамливание между собой сколько-нибудь самостоятельных этнических, религиозных, культурных, экономических и политических групп – основа технологии современных конфликтов. Ее главная задача – разрушить инфраструктуру общественного доверия и сотрудничества, которая лежит в основе функционирования каждого общественного организма и не менее важна, чем государственная власть. Удобство подобной технологии и в том, что кукловоды невидимы, затраты их невелики, а распутывать все приходится населению несчастной страны.

И, наконец, в-третьих, это *анонимизация конфликтов*. Доминирующей чертой становится стремление участников конфликта вести так называемые неопознанные войны, предполагающие акцент на дистанционных действиях. Они представляют собой комбинации кибератак, использования высокоточного оружия, роботизированных систем и беспилотного оружия вкуче с применением средств идеологического и психологического воздействия. Состав участников нового типа конфликтов крайне разношерстный: и регулярные воинские подразделения, и террористические сети, и никому не подконтрольные повстанческие отряды, и преступные группы. Как показывает динамика гражданских конфликтов в Ливии, Ираке, Сирии и Донбассе, для них характерно стремительное нарастание числа независимых друг от друга участников, вплоть до полной неразличимости повстанцев, террористов и криминальных группировок [Лебедева 2016]. Здесь невозможно разобрать, кто, зачем и против кого воюет – и это идеал для организаторов подобных конфликтов, в число которых волей-неволей включены и крупные державы. Главная опасность в том, что подобные неуправляемые локальные конфликты вписаны в глобальный геополитический контекст, что резко повышает риски возникновения осложнений уже в мировом масштабе.

Итак, подытожим. Мы ставили своей целью сгруппировать и систематизировать вновь возникшие и уже имеющиеся факторы глобального развития, определяющие дестабилизирующие тенденции современного состояния миропорядка. Таковых мы получили четыре: это кризис демократии и политических систем национальных государств, радикализация общественного дискурса, «великое переселение народов» и новый виток бесконтрольного развития технологий. Они

существенно ослабляют западные страны и усиливают основных акторов мировой нестабильности: гибридные государства, экономически слабейшие государства, разрушающиеся общества и несостоявшиеся государства, глобальные религиозно-политические движения и новые деструктивные группы. Это ведет к появлению новых тенденций в развитии современных конфликтов: расширению сфер противоборств, их анонимизации и хаотизации.

Литература

Акаев А. А., Коротаев А. В. О начале фазы подъема шестой кондратьевской волны и проблемах глобального устойчивого роста // Век глобализации. 2019. № 1. С. 3–18.

Иноземцев В. Л. Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего // Век глобализации. 2019. № 2. С. 3–16.

Лебедева Е. В. Проблема развития религиозного экстремизма в государствах СНГ в условиях глобализации // Вопросы безопасности. 2016. № 1. С. 9–14.

Мохаддам Ф. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают, и почему обращаются к насилию. М., 2011.

Паненков А. А. Проблемы борьбы с терроризмом и новыми формами его финансирования в мире и России. Рекомендации экспертов ООН, промежуточные результаты научных исследований по борьбе с терроризмом и его финансированием. Практика борьбы с терроризмом в Интернете // Национальная безопасность / Nota bene. 2012. № 1. С. 106–119.

Пржиленский В. И. Логика экстремизма: объяснение versus понимание // Национальная безопасность / Nota bene. 2016. № 3. С. 408–416.

Разведка США: преступность, терроризм и новые технологии ближайшего будущего. Доклад Национального разведывательного Совета США «Глобальные тренды: парадоксы прогресса» // Завтра.ru [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/razvedka_ssha_prestupnost_terrorizm_i_novie_tehnologii_blichajshego_budushego (дата обращения: 26.08.2019).

Седых Н. С. Терроризм и глобальные риски современности: психолого-политический анализ // Международные отношения. 2013. № 1. С. 96–102.

Соснин В. А. Духовно-религиозные основы суицидального терроризма: идеология Глобального Джихада как психологическая мотивация оправдания суицидального терроризма исламскими радикалами // NB: Национальная безопасность. 2013. № 2. С. 112–159.

Тарасевич И. А., Зенковский А. В. Правовые проблемы противодействия религиозному экстремизму в контексте обеспечения религиозной безопасности на пространстве ЕАЭС // Право и политика. 2015. № 2. С. 189–197.

Терроризм в современном мире / под ред. В. Л. Шульца. 2-е изд. М. : Наука, 2011.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

Чжа Фен. В движении [Электронный ресурс] : Финансы и развитие. 2018. № 12. С. 52–53. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2018/12/pdf/picture.pdf> (дата обращения: 26.08.2019).

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4. С. 3–16.